

Первая поездка. 1957 г.

В Москву и Армению в составе делегации писателей ГДР, 1—23 июня 1957 г.

3 июня 57 г.

Москва!

Перед отъездом я спрашивала себя, что в Москве в первую очередь произведет на меня впечатление: аэропорт, встречающие (Стеженский, Ажаев, Михалков, Медведев и др.), дорога в город — большие новостройки на окраине. Как вдруг нас обогнала «победа», и я увидела профиль молоденькой, лет 14—15, девушки — белокурые волосы, подколотые венчиком, зеленый пуловер, ясное, задумчивое лицо.

Вот это меня взволновало.

А на следующий день: посмертная маска Маяковского. Такая спокойная, умиротворенная. Совсем не

Красная площадь

как его последняя фотография, незадолго до смерти: напряженная, упрямая, ожесточенная. Теперь же: он поставил точку, пришел к концу.

Очень симпатичные экскурсоводы в Музее Маяковского: две молодые женщины или девушки (одна ждала ребенка), очень скромные, достойные и уверенные. Никакой навязчивости. (Надо попробовать с ними поговорить.)

«Клоп» Маяковского: неожиданная пьеса. После множества старомодного, даже китчевого, встречающегося повсюду, вдруг что-то вполне современное, чему большая часть зрителей восторженно аплодировала (много молодежи, в том числе очаровательные влюбленные парочки). Те же зрители накануне вечером бурными овациями встречали довольно посредственную татарскую оперу «Муса Джалиль», потому что по содержанию она потрясающая и прогрессивная (Мусу Джалиля убили в Моабите нацисты).

Вообще, бросается в глаза, что здесь нет снобизма, ни в чем. На Сельскохозяйственной выставке крестья-

*Делегация на прогулке в окрестностях Москвы.
Слева направо: два советских функционера,
далее Вольфганг Йохо, Криста Вольф, Эдуард Цак, Петер
Хухель, Моника Хухель*

*Открытка Кристи Вольф Герхарду Вольфу.
Сюжет на открытке: Университет им. Ломоносова в Москве*

не и крестьянки подолгу сидят перед таблицами, слушают подробные объяснения экскурсоводов и делают неловкие, но точные записи. Колхозы послали их на Выставку в Москву как лучших работников, и они, конечно, должны дать что-то взамен. Огромная серьезность, вера в смысл прилежания. И это, пожалуй, самое главное.

К сожалению, ассортимент в магазинах невелик, это верно, и витрины выглядят отнюдь не заманчиво. (В ГУМе мы еще не побывали.) Одежда очень старомодная (правда, вчера в новом и новаторском фильме показывали и более современную, возможно, в целях ее пропаганды).

Вчера вечером я через переводчика довольно долго разговаривала с нашей официанткой Асей. Необычайно привлекательная, хорошенькая женщина моих лет, обаятельная, очень проворная, умная, глаза живые. Поначалу она смущалась, но потом без утайки рассказала о себе: зарабатывает она 600 рублей, а с премиальными за выполнение плана большей частью тысячу. Муж у нее механик, пятилетнего сынишку зовут

Евгений. Работает Ася с четырнадцати лет, сначала токарем, потом в литейной и вот уже три года здесь, в гостинице. В рабочее время посещает курсы немецкого языка, чтобы затем стать «администратором». Работа ей очень нравится. Уже шесть лет она состоит в партии и гордится этим.

О проблемах молодежи в Москве: несколько месяцев назад принят закон, который уже за шумный скандал на улице предусматривает двухнедельный арест. Тогда они работают бесплатно. В гостинице тоже было два таких инцидента. И товарищеский суд, в который выбрали Асю, постановил объявить комсомольцам предупреждение и понизить в должности.

Ася очень интересуется литературой. Получает по подписке собрания сочинений Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др. Они с мужем, который тоже много читает, спорят о литературе. Сама она с ее именем сразу же представилась как тургеневская героиня.

Наши проблемы Восточного и Западного Берлина для нее непостижимы.

11.6

Первые дни в голове у меня царил абсолютная пустота, но теперь, благодаря впечатлениям, мысли текут потоком; а еще благодаря спорам с Хельмутом и Игорем.

У Игоря есть чему поучиться — умению видеть существенное и твердости. Умение видеть существенное нередко означает — упрощение. Но это упрощение, видимо, зачастую необходимо и отнюдь не недопустимо.

О дискуссиях, проходивших у нас после XX партсъезда, он знал едва ли не лучше нас. Судя по всему, сопровождает он нашу делегацию неслучайно. В первую очередь он не разделял нашей точки зрения, что «либеральные» течения среди нашей интеллигенции были незначительны и не имели шансов принять, скажем, такие формы, как в Венгрии или в Польше. Он считал, что эти течения достаточно сильны и могли бы стать весьма опасны в период, когда определенные круги ищут лидеров. Кстати, Игорь говорит с на-

*Делегация на берегу озера Севан под Ереваном.
Второй слева — Вольфганг Йохо, рядом Владимир Стеженский, Криста Вольф и Макс Циммеринг. В центре — Петер Хухель, армянский участник, затем Эдуард Цак и Моника Хухель, крайний справа — Хельмут Хауптман*

ми как дипломат, не совсем открыто, хотя и доверяет нам больше, чем другим. Пробить этот барьер нам не удастся; также и у Стеженского [Владимир Стеженский], который мне все более симпатичен, с тех пор как я узнала, что после 1945-го он был в Берлине культурофицером. По-моему, как он, так и Игорь очень пристально наблюдают за всеми нами и в глубине души дают нам оценку. И возможно, для нашей делегации она не всегда благоприятна, ведь, к примеру, Хухель [XXX] человек тщеславный. А М. Циммеринг, руководитель, отличается редкостной пошлостью. У Йохо свои странности, хотя он сам умеет мало-мальски остроумно отдать им должное. Цак тут еще самый здравомыслящий.

Игорь очень зол на статью Кундеры в «Националь-цайтунг», где тот писал, что «народность и простота» наконец-то более не являются в искусстве высшими критериями. Ладно, формулировка неправильная, ес-

ли не подразумевать под простотой примитивность, а под народностью — фальшивую популярность. А здесь, как мне кажется, порой и сейчас думают именно так.

Жизнь здесь, на мой взгляд, живее, непосредственнее, чем у нас. В ней отсутствует ужасный обывательский снобизм, который — как раз оттого, что сидит и во мне, — не позволяет мне открыто сказать: я люблю свой народ. Народ здесь действительно «народ»: рабочие и крестьяне, трудящиеся определяют облик улиц. Я могла бы пожить тут некоторое время и с каждым днем все больше чувствовала бы себя как дома.

Однако «предприимчивость» пока не умерла: некоторые зарабатывают на жизнь тем, что отмечают за других в очереди на автомашину, взимая за это 3 рубля. На черном рынке бензин дешевле, чем в обычной продаже, ведь премии за экономию горючего приносят водителям не так много, как продажа того же бензина на черном рынке.

Социалистическая сознательность масс достижима только при широком удовлетворении их потребностей. Одними идеями ничего не добьешься.

17.6.57

Вот и Армения осталась позади. Совершенно незнакомая страна, совершенно незнакомые люди. Большие, интересные впечатления.

21.6.57

Завтра отъезд.

Уже можно подвести итоги?

Мне кажется, важнейшие результаты этой поездки будут косвенными, такими, о каких даже толком не знаешь, как они возникают: мне снова по-настоящему хочется работать, писать. Снова кажется, что стоит.

Не мешало бы когда-нибудь докопаться: каковы в наше время критерии «человечности»? Что именно делает человека человеком? А стало быть, что есть крае-

угольный камень лучшего общества? В этих вопросах мы уже сегодня добьемся большего успеха. Это — вопросы для литературы.

И еще я твердо решила: буду учить русский.

И буду много читать, больше, чем сейчас. Обязана я этим прежде всего Владимиру, этим и кое-чем еще...

В голове у меня бродит одна история, возможно сюжет для давно — точнее, три года — хранящегося во мне материала. (С тех пор как я познакомилась с Павлом, чей образ для меня теперь окончательно и навсегда безопасен.)

Молодая женщина (примерно 25 лет) между двумя мужчинами: один — ее муж, директор школы; второй — его друг, учитель в этой школе; сама женщина работает научным сотрудником в некоем институте. У них есть ребенок, трехлетний сын. Друг мужа тоже женат на очень привлекательной, милой женщине, у них тоже маленький ребенок.

Муж — по характеру вроде Юста*: эгоцентричен, но умен и способен привести в замешательство. У жены жизненный опыт невелик, он ее первый мужчина, годами она живет в плену своей любви к нему. В то время, когда начинается действие, их брак уже начинает входить в привычку, чего оба они, однако, не знают.

Конфликт возникает, когда друг мужа попадает в ситуацию, где нуждается в людях, которые его поддержат, но такая поддержка потребует от них толики мужества. Муж этой женщины отворачивается от него, по серьезным, разумным причинам. А жена начинает любить друга. И он ее тоже.

В конце жена уйдет от мужа, чье положение внешне не меняется, так как он своевременно пересматривает свою позицию. Но брак друга, вопреки сильнейшей опасности, остается нерушим; жена с ребенком покидает город и находит себе другую работу.

---

* Юст — честный и верный слуга, персонаж пьесы Г. Лессинга «Минна фон Барнхельм».